ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР. ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией члена-корреспондента АН СССР Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

выпуск хі

СТРАНЫ И НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ, ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» Главная редакция восточной литературы Москва 1971

М. Л. Рудова

ЦАЙ-ШЭНЬ — ГУАНЬ ЮЙ

Из многочисленных вопросов, встающих перед исследователями религии Китая позднего средневековья и нового времени, основным является исследование двух тесно связанных друг с другом образов — бога богатства Цай-шэня и героя Троецарствия Гуань Юя (II—III вв.).

Специфика образа Цай-шэня заключается в том, что, несмотря на его глубокие корни в китайском искусстве, культ его — явление сравнительно новое; появление и распространение этого культа связано с экономическими сдвигами, происходящими в Китае начиная с минского периода.

Образ Гуань Юя сложен своими многочисленными ипостасями. Главное здесь заключается в том, что он не просто бог богатства, как это было принято считать ранее, а представитель конфуцианства в официальной, синкретической по своему характеру религии Китая.

Работ, посвященных богу богатства Цай-шэню и Гуань Юю, довольно много. Однако все они ограничиваются краткими сведениями о многочисленных прообразах Цай-шэня и о том, что Гуань Юй почитается как бог литературы, войны и богатства. В качестве прообразов Цай-шэня называются несколько имен: Би Гань (XII в. до н. э.), богач Ши Чун (III в. н. э.), Гуань Юй и Чжао Гун-мин (из романа Ло Гуаньчжуна «Троецарствие»), полководец Го Цзы-и (время Тан), Будда Матрейя, пять раскаявшихся разбойников. Упоминается также глава романа «Возведение в ранг божеств» как источник для расшифровки образа Цай-шэня и его спутников, а также для расшифровки сюжетов с символикой пожелания богатства [1].

Исключение составляют работы акад. В. М. Алексеева, которые посвящены культу Цай-шэня. Впервые в истории изучения народной картины и культа Цай-шэня Алексеев наряду с подробным объяснением сюжетов большого количества картин с пожеланием богатства показал значение культа Цай-шэня в жизни народных масс Китая, а главное, показал, какую большую роль играло искусство народной картины в распространении этого культа. Он считал также, что «внимательное изучение культа Цай-шэня несомненно должно выявить основные принципы китайской народной религии» [2] и что «в культе Гуань-ди (Гуань Юя.— М. Р.) переплетаются история, религия и мораль» [3].

Изображения Гуань Юя и Цай-шэня можно встретить на самых разнообразных памятниках искусства старого Китая: в религиозной живописи, скульптуре (в храмах), на каменных стелах, на памятниках прикладного искусства, религиозных и символико-благопожелательных няньхуа. Столь же многочисленны и письменные источники, в которых фигурируют Гуань Юй и Цай-шэнь.

Рис. 1.

Все это свидетельствует о популярности того и другого образа, не раз отмечавшейся исследователями.

Для расшифровки образов Гуань Юя и Цай-шэня, выяснения состношения их образов и места их в пантеоне божеств официальной религии Китая в период позднего средневековья и нового времени нами было проведено параллельное исследование иконографии божеств, их титулатуры, а также соответствующих письменных источников.

Известно, что обряд поклонения богу богатства Цай-шэню совершался на второй день после Нового года. В этот день в китайских домах поклонялись трем богам богатства — Сань Цай 1 *, Гуань-ди 2 Цайшэню 3, Сюаньтань Чжао Юань шуай 4 (рис. 1, 2, 3). Среди няньхуа,

^{*} Здесь и далее надстрочной цифрой обозначается номер в иероглифическом индексе в конце книги.

Puc. 2.

хранящихся в Государственном Эрмитаже, имеются три иконы этих божеств.

Икона Гуань-ди (т. е. Гуань Юя). Гуань-ди — один из его многочисленных титулов, означающих «император Гуань». В собрании Эрмитажа имеется икона с другим титулом Гуань Юя — 4жун и шэнь лин ю жэнь юн вэй сянь Гуань шэнь $\partial a - \partial u$. Этот титул был дан ему цинским Дао-гуаном в 1829 г. (рис. 1).

На иконе изображен Гуань Юй в головном уборе императора, сидящий перед алтарем со сложенными на груди руками, в которые вложена табличка. На алтаре—курильница и две свечи. По обеим сторонам его четверо предстоящих — вверху два юноши с одинаковыми лицами и в одинаковых головных уборах. Один держит узелок с вещами, другой — меч и книгу. Внизу, слева — воин со свирепым лицом, с алебар-

Puc. 3.

дой в руках; справа — чиновник. Вся композиция, где Гуань Юй занимает главное, центральное место, отличается строгой уравновешенно-

стью и статичностью. Иконография образа канонична.

Икона Цай-шэня (рис. 2). По стилю, манере исполнения и композиции идентична предыдущей, не отличается от нее титулом божества — Изэн фу изи бао Цай шэнь 6! В нижней части иконы предстоящие. Слева — чиновник в некитайском головном уборе, с курчавой бородой, с веткой коралла в руке. Справа — чиновник, также в некитайском головном уборе и с предметом неизвестного назначения в руке (табличка?). Вверху те же предстоящие, что и у Гуань Юя, только у правого в руках стебель лотоса с жемчужиной в пламени, у левого — коробка. Это — гении единства — согласия — хэ-хэ эр сянь. На алтаре — серебряный слиток, лошадь, жемчуг. Ниже алтаря — мужчина, от поднятой руки которого исходит облако с сосудом, наполненным монетами, жемчугом и прочими драгоценностями. На сосуде написано: Изюй баолянь 7 («Чаша, собирающая драгоценности»).

Икона Сюаньтань Чжао Юань шуай (рис. 3). По стилю, манере исполнения и композиции, за исключением деталей, идентична двум первым. Наверху титул бога Сюаньтань Чжао Юань шуай в (Чжао — командующий «Черного алтаря»). У бога фантастический головной убор, свирепое лицо. В руке — меч. Верхние предстоящие — юноши в одинаковых головных уборах, так же как у предстоящих на иконе Цай-шэня, только у правого вместо лотоса с жемчужиной узелок с вещами. Внизу — два чиновника со свитками. На алтаре — серебряный слиток, курильница, жемчуг. Ниже алтаря — фигура тигра.

К типу икон Сань Цай относятся также и групповые иконы, где на одном листе изображен Гуань Юй с гражданским и военным Цайшэнями. Такова, например, икона Се тянь да ди 9. Это часть титула, данного Гуань Юю минским Ван-ли в 1591 г. Верхнюю половину занимает изображение Гуань Юя с двумя предстоящими; Гуань Юй в костюме генерала, персонажа Пекинской музыкальной драмы. Лицо у него красное, по символике цветов — признак честности и храбрости. Слева — воин со свирепым лицом с бородой. Справа — молодой воин с узелком в руках. Внизу, слева — изображение военного Цай-шеня в костюме военачальника, с серебряным слитком в руках. Около него чиновник (?), справа гражданский Цай-шэнь в костюме чиновника (хотя халат странно орнаментирован). Около него воин с табличкой (?) в руках. Под ним — цзюй бао пэнь.

Кроме перечисленных икон, представляющих обрядовую сторону праздника Цай-шэня, имеется группа картин, где Цай-шэнь является одним из действующих персонажей жанровой сцены. Такого рода картины имели символико-благопожелательный смысл — пожелание богатства. Их развешивали в домах наряду с другими картинами такого же назначения в канун Нового года. В отличие от икон Сань Цай, где мы видели фронтальность и статичность изображений, трактовка картин этой группы отличается свободой композиционных решений, действие развертывается на фоне пейзажа или во дворе богатого дома. Цай-шэня сопровождает пышная свита. В дверях дома его встречают многочисленные семейства.

Хотя эти картины и не служат непосредственными иллюстрациями литературных произведений, таких, как «Соу шэнь цзи» (IV в.), «Тайпин гуан-цзи» (Х в.), гл. 99 романа Сюй Чжи-линя «Возведение в ранг божества», тем не менее можно именно с помощью этих книг расшифровать содержание картин. В плане расшифровки такого рода очень важны «Объяснения к грубым картинам», поскольку авторы их, сами художники [5], ссылаются в основном на указанные произведения.

Приведем в качестве примера четыре наиболее типичные картины

с сюжетами, символизирующими богатство.

Картина под названием *Цинфу фэй жу* ¹⁰ («Прилетели Цинфу»). Справа на высоком помосте с ширмами-экранами под почетным зонтиком сидит чиновник. Справа от него — чиновник с веткой коралла в руке, слева — женщина. В центре картины, на больших серебряных слитках, нагроможденных на телегу, запряженную львом, стоит Лю Хар. Упряжка, сопровождаемая свитой, подъезжает к сцене, на которой сидит чиновник.

В «Объяснении к грубым картинам» говорится: «Свита (по одежде) — магометане или уйгуры, по-китайски — хуйхуй ¹¹, по облику похожи на индусов. Поэтому изображения магометан (уйгуров) с драгоценностями фонетически соответствуют фразе хуйхуй цзинь бао ¹² — «драгоценности, без конца возвращающиеся в дом» [6].

В «Соу шэнь цзи» говорится: «На юге [Китая] имеется насекомое,

называемое Цинфу, по виду напоминающее цикаду, но немного больше. Очень вкусное. Цинфу откладывают яйца на листья травы. Яйца похожи на шелковичных червей. Если взять их яйца, то мать прилетит сразу, где бы она ни находилась. Если их спрятать, то все равно она их найдет. Надо поймать мать и намазать ее кровью 81 монету. Кровью детенышей также намазать 81 монету. При покупке какой-либо вещи надо взять монеты, намазанные кровью матери или детенышей. Тогда деньги будут возвращаться без конца. Поэтому искусство возврата денег [древний философ] Хуай Нань-цзы назвал Цинфу» [7].

Картина под названием Вэнь У Цай-шэнь цзинь бао сянь жуй ¹³ («Гражданский и военный Цай-шэнь пришли с драгоценностями и при-

несли добрые предзнаменования») [8].

В центре стола, уставленного драгоценностями, сидят военный и гражданский чиновники. Рядом с ними два юноши, оба держат свитки с надписями Лиши сянь-гуань лай 14 («Святой чиновник благоприятной торговли пришел») и Чжао-цай тунцзы чжи 15 («Прибыл отрок, призывающий богатство»). Группа обрамлена рамкой из монет, серебряных слитков и прочих драгоценностей. Вверху рамки три иероглифа — фа цай фу 16 («разбогатеть и получить счастье»). Внизу, в центре картины огромная «чаша, собирающая драгоценности» (цзюй бао пэнь). Слева от нее — один из гениев единения-согласия — хэ-хэ эр сянь, с коробкой в руках, откуда вылетают драгоценности, справа Лю Хар с жабой. Вокруг центральной группы изображены юноши, воины, чиновники и другие с различными атрибутами богатства. В «Объяснениях к грубым картинам» сказано: «В Китае различаются два бога богатства: гражданский — Вэнь Цай-шэнь 17— это Би Гань 18 или же Ши Чун 19; военный — У Цай-шэнь 20— это Чжао Гун-мин» 21 [9].

В «Тайпин гуан-цзи» рассказывается легенда о Ши Чуне: «Цзинский Ши Чун и Ван Кай соперничали друг с другом в богатстве. Цзиньский император У-ди был сыном сестры Ван Кая. Когда-то император подарил Ван Каю коралловое дерево высотой в два с лишним чи. Дерево было пышное и развесистое — в мире не видели подобного. Кай показал его Чуну. Чун посмотрел на дерево, взял железный жезл—жуи и разбил дерево на мелкие куски. Кай был сильно огорчен этим и подумал, что Чун разбил его из зависти. Но Чун ему сказал: "Не надо сердиться, я возмещу его Вам". Он приказал слугам принести коралловые деревья. Были всякие, и высотой в три чи, с ветками и стволами, каких не видывал свет. А шесть-семь стволов было таких, что от блеска слепли глаза. А таких, какой был у Кая, было очень много. Кай растерялся и смутился» [10].

В «Объяснениях к грубым картинам» говорится: «Ши Чун и Ван Кай жили в эпоху Цзинь (265—420 гг.— М. Р.), после своей смерти

стали богами богатства» [11].

Картина *Цюнь сянь доу бао* 22 («Борьба святых [с помощью] талисманов»).

В центре — генерал с мечом в руках сидит верхом на тигре. Слева — молодая женщина, сидящая верхом на фениксе. В левом верхнем углу — группа мужчин, один из которых, старик, сидит верхом на лошади. Справа — пеший воин и воин на лошади, с копьями в руках; дальше — два юноши, играющие в шахматы. Вверху, между всадником на тигре и двумя юношами, — облако, внутри которого изображены различные предметы: шар в пламени, серебряный слиток, монета и пагода.

В «Объяснениях к грубым картинам» сказано: «Чжао Гун-мин верхом на тигре спускается с гор, чтобы помочь иньскому Фэну в борь-

бе против Чжоу. Его младшая сестра Юнь Сяо верхом на темном фениксе помогает ему. Чжао Гун-мин имеет волшебную силу, может бросать свои талисманы [драгоценности] в людей и убивать их. Цзян Цзы-я и Ли Цин — военачальники Чжоуской династии, терпели от него поражения. За цепочкой гор, одетый в темное платье и даосскую шапку,— Цзян Цзы-я, окруженный духами. Верхом на лошади — Ли Цин, пеший — Ту Синь-сунь. Они помогают Чжоу Вану. Справа — Сяо Шэн и Цао Бао играют в шахматы. После смерти Чжао Гун-мина чжоуский Цзян Тай-гун наградил его титулом Цай-шэня. Духи Чэн Цзю-гун и Яо Шао-сы были награждены титулами Чжао-цай шичжэ ²³, т. е. Чжао-цай тунцзы ²⁴ (отрок, призывающий богатство), и Лиши сяньгуань ²⁵ (святой чиновник благоприятной торговли)» [12].

Картина под названием Цы най Цай-шэнь цзяо мэнь лай дао цза

изя ²⁶ («Действительно, что Цай-шэнь стучится к нам в дом») [13].

На картине справа изображен хозяин дома, встречающий бога богатства, прибывшего к нему со своей многочисленной свитой. В составе свиты — хэ-хэ эр сянь, выпускающие из коробки драгоценности, которые падают в большую корзину, стоящую у дома; юноша со свитком, на свитке иероглифы — Ли-ши сянь гуань («святой чиновник благоприятной торговли») и т. д. За спиной хозяина — слуги. Справа, в углу, открытая терраса, где стоят женщины и мальчик. Иными словами, дана картина богатого дома, хозяина которого одаривал и продолжает одаривать бог богатства Цай-шэнь, прибывший к нему собственной персоной.

В «Объяснениях к грубым картинам» говорится: «В начале минской династии жил рыбак по имени Шэн Вань-сань (шань). Однажды он закинул сеть и выловил глиняную чашку. Придя домой, стал из нее кормить собаку. Еда в чашке не убавлялась. Как-то его жена случайно уронила в чашку золотую шпильку. Мигом золотыми шпильками наполнилась вся чашка. Она бросила в нее драгоценности, повторилось то же самое. Тогда супруги поняли, что это и есть цэюй бао пэнь — "волшебная чашка, собирающая драгоценности". Они ее чисто вымыли и внесли в дом. В конце концов они стали очень богатыми людьми. Шэнь Вань-саня стали называть Хо Цай-шэнь — живой Цайшэнь» ²⁷ [14].

На основании сопоставления этих картин с письменными источниками можно сделать вывод, что действительно прообразами Цай-шэня являются герои Фэн Шэнь янь, Чжао Гун-мин и Би Гань, а также Ши Чун и Ван Кай — два богатейших человека эпохи Цзинь (265—420) и Шэнь Вань-сань периода Мин (1368—1644) с цэюй бао пэн — китайской «скатертью-самобранкой». А упомянутые картины, носящие безусловно символико-благопожелательный характер, являются также и своеобразными иллюстрациями к литературным произведениям. Основное место среди последних занимает, как мы видели, минский роман «Возведение в ранг божеств», в котором Сюань-тань Чжао Юань шуай («Военный Цай-шэнь») и члены его свиты получили свои титулы. Основной же атрибут Цай-шэня — волшебная чашка взята также из легенд минской эпохи.

Таким образом, если мы снова обратимся к иконам трех богов богатства — Сань Цай, то нам станет понятен образ Цай-шэня с его атрибутом — изюй бао пэнь — и с двумя предстоящими в некитайских головных уборах с кораллом в руке (т. е. игра слов: магометане — возвращение денег) и Сюань-тань Чжао Юань шуай с мечом и тигром (т. е. Чжао Гун-мин, как он изображается в романе «Возведение в ранг божеств»).

Кроме этих двух икон в группу Сань Цай, как указывалось выше, входит икона Гуань Юя. Гуань Юй — один из главных героев романа «Троецарствие». Сведения о нем и характеристику его личности можно почерпнуть из самого романа: в «Персиковом саду» Гуань Юй с военачальником Чжан Фэем и законным претендентом на престол ханьской династии Лю Бэем заключает вечный братский союз. Узурпатор Цао Цао, соперник Лю Бэя в борьбе за трон, захватил Гуань Юя в плен. Он одаривал его различными подарками и пышными титулами, пытаясь оставить у себя на службе. Но Цао Цао пришлось отпустить Гуань Юя. После ухода от Цао Цао Гуань продолжал служить своему государю Лю Бэю, но в одной из схваток был захвачен в плен другим соперником Лю Бэя, Сунь Цюанем, и казнен [15]. В романе Гуань Юй предстает как безудержно храбрый и беззаветно преданный своему государю военачальник.

На другой иконе, где изображен Гуань Юй с предстоящими, написаны их имена: первый — Чжоу Цан, второй — Гуань Пин. В романе Ло Гуань-чжуна «Троецарствие» рассказывается, что Гуань Юй в одном из своих многочисленных походов приблизил военачальника небольшого отряда Чжоу Цана и сына своего однофамильца Гуань Пина. О Чжоу Цане читаем: «У него длинная вьющаяся борода и грозная наружность» [16]. Из разговора, происходящего между отцом Гуань Пина и старшим братом Гуань Юя — Лю Бэем, узнаем, что Гуань Пину было 18 лет [17]. Интересен для нас эпизод романа, в котором рассказывается, что дух Гуань Юя (после его смерти) сопровождали два воина: один с белым лицом, другой чернолицый [18]. Духовное единение этих трех персонажей проявилось уже в том, что после казни Гуань Юя и Гуань Пина Чжоу Цан кончает жизнь самоубийством [19]. Такое прямое соответствие литературного источника с изобразительным материалом не было бы столь продолжительным и прочным [20], если бы не было столь продолжительной и прочной художественной традиции в изображении этих персонажей в самых различных видах искус-

Самое раннее известное нам изображение Гуань Юя под титулом И юн у ань вана датируется XII в. Это гравюра из Хара-Хото. Гуань Юй изображен сидящим на троне в окружении пяти предстоящих. Строгое лицо, слегка повернутое вправо, положение ног и рук, свидетельствующее о силе и решительности, наводят нас на мысль, что Гуань Юй изображен в соответствии с каноном, свойственным официальным портретам того времени. Предшественником такого гравюрного портрета мог быть живописный официальный портрет более раннего периода [21]. По трактовке предстоящих Гуань Юя гравюра близка к изображению хранителей света Локапала из пещерного монастыря Цяньфодун близ г. Дуньхуана, датируемых Танским периодом (VIII— X вв.) [22]. Таким образом, перед нами — одно из самых ранних канонизированных изображений Гуань Юя, в основе которого лежит официальный портрет.

Несмотря на данные письменных источников о широком распространении образа Гуань Юя и в Минский (XIV—XVII вв.) и в Цинский (XVII—XX вв.) периоды, лакуну между гравюрой И юн у ань вана и изображениями Гуань Юя на няньхуа мы можем заполнить весьма небольшим, имеющимся в нашем распоряжении количеством памятников. Так, на эстампаже с каменного барельефа, датированного временем императора Чжэн-дэ (1506—1522), изображен Гуань Юй также под титулом И юн у ань вана. Резко очерченная складка на лбу и брови, несколько выпуклые глаза, тяжелый подбородок создают впечат-

ление грозного и сильного характера. Военные доспехи, тяжелая секира в руке и конь напоминают о боевых походах Гуань Юя, его мече «Черном драконе» и боевом коне «Красном зайце».

К минскому периоду относится также групповая икона на шелку неизвестного мастера, где Гуань Юй под титулом бога войны изображен в военном костюме без предстоящих [23]. На эстампаже с каменного барельефа, датируемого периодом Шунь-чжи (1644—1662), Гуань Юй изображен в костюме чиновника — в халате и поясе. На голове сохранена повязка в виде платка, как на гравюре из Хара-Хото. Округлое, полное лицо с очерченными глазами застыло и создает впечатление маски, в которой лишь очень отдаленно угадываются черты характера Гуань Юя. В предстоящих — молодом воине, несомненно Гуань Пине, слева и воине со свирепым лицом — Чжоу Цане справа — исчезла живость. В лицах-масках сохранены черты, присущие установленному представлению о них. В левом — молодость, в правом — свирепость. Несмотря на малочисленность памятников, мы можем усмотреть в них определенную закономерность в канонизации образа Гуань Юя. О первом изображении (гравюра из Хара-Хото) мы можем говорить как об официальном портрете, выполненном на основании живописного образца. В дальнейшем образ постепенно засушивается. В нем исчезает намек на определенную характеристику, присущую данному типу людей (т. е. храбрость, воля, жестокость). Начинается лишь внешний отбор деталей — костюм, предстоящие. И наконец, если мы вернемся к разобранным нами иконам Гуань Юя, изображенного под разными титулами, увидим, что изобразительная канонизация Гуань Юя шла подчас не только с учетом черт его характера и чина высшего военачальника (красное лицо, костюм театрального генерала), но и с учетом официальной титулатуры. Решающую роль в этом плане сыграл титул императора ²⁸, данный ему минским Ван-ли в 1591 г. На иконах-няньхуа Гуань Юй изображается, за исключением отдельных случаев, в костюме императора. Его лицо строго канонично, так же как и лица и костюмы его предстоящих. Сама композиция иконы, где главное божество изображается более крупно, а около него в строгом порядке располагаются предстоящие, ведет нас к иконам китайского буддизма эпохи Тан.

Суммируя все вышесказанное, мы можем прийти к заключению, что канонизация образа Гуань Юя прошла длительный путь развития. На протяжении веков Гуань Юй — герой народных легенд и сказаний. Но вместе с тем он почитаем и китайской феодальной верхушкой во главе с императором. Достаточно сказать, что по полной таблице титулатуры Гуань Юя первый почетный титул был ему дан ханьским Цзяньанем в 201 г. н. э. А много лет спустя, в 1591 г., он получил титул импе-

ратора, которого не был удостоен Конфуций.

Анализ самого раннего, дошедшего до наших дней изображения Гуань Юя под титулом *И юн у ань вана*, относящегося к XII в., показал большую роль Гуань Юя как представителя конфуцианства. В то время также были распространены храмы *И юн у ань вана*.

Титулы, данные ему императором династии Юань (1328 г.) и императорами династии Мин, свидетельствуют о том, что культу Гуань Юя

придавалось большое значение.

В цинский период (1644—1911) культ Гуань Юя как выразителя основных конфуцианских догматов приобретает особое звучание. Одно из свидетельств этого — составление канонического сборника о Гуань Юе — Гуань-ди шэн цзиту чжи цюань цзи 29 («Полный сборник записей о деяниях мудрого императора Гуаня» [11]). Сборник был составлен на основании многочисленных источников. Первое его издание от-

Биографию Гуань Юя сопровождают пятьдесят семь иллюстраций, посвященных главнейшим эпизодам жизни и деятельности героя. В основном это военные подвиги, совершаемые Гуань Юем со своими воинами. Все сцены даны на фоне пейзажа или в интерьере. Они наполнены живым движением и связаны с общим развитием книжной иллюстрации. Несмотря на то что изображение Гуань Юя в них очень близко его изображению на приведенной нами иконе Минского периода, всетаки канон, как таковой, отсутствует. Изображение Гуань Юя с Чжоу Цаном и Гуань Пином подчинено определенной композиции, которая, однако, не выделяется из общего стиля иллюстраций сборника. Смерть Гуань Юя не показана. Перед нами Гуань-ди — император в окружении воинов, чем подчеркивается необычайно высокое положение Гуань Юя.

Идейное содержание образа Гуань Юя сформулировано в этом же сборнике в словах, приписываемых ему самому: «У меня нет никаких способностей, единственно, что я имею,— это верность и долг. Я поддерживаю ханьскую династию и уничтожаю изменников, не зная страха в этом. Мне уже скоро 60 лет. Моя судьба зависит от Неба. Смотрите на мое честное сердце и слушайте мои слова. Солнце находится на небе, сердце принадлежит человеку. Он должен иметь сыновнюю почтительность, подданные должны быть преданными. Отец должен быть строг, мать милосердна, старший брат должен любить младшего, младший должен уважать старшего. Жена должна быть послушна мужу. Друзья должны быть верными. Соседи должны жить в дружбе. К слугам должно иметь доброе отношение. Мои слова просты, но для человека от них большая польза. Кто бы вы ни были — ученый или чиновник, генерал или солдат, если вы будете почитать мои слова, ваше дело будет процветать. Люди есть знатные и подлые, но в своих страстях они не отличаются друг от друга. Дома, в дороге, занимаясь торговлей, в женитьбах, болезнях, в суде, в ссорах, в нападении злых духов, в ограблении, стихийных бедствиях — если вы будете искренне почитать мои слова, ваши дела будут благополучны» [26].

В предисловии к этому же изданию говорится: «Мудрый человек — это человек, выполняющий правила человеческой морали. Одно из важнейших правил — уважать государя. Но самое главное — уважать законного императора. Никакие трудности не смогли его сломать. Преданный, с чувством настоящего долга, нет второго такого, как Гуань Шэнь-ди. Гуань Шэнь-ди можно назвать совершенномудрым» [27].

Мы просмотрели две достаточно сложные линии развития образа бога богатства Цай-шэня и Гуань Юя, чтобы выяснить, каково их соотношение. Обратимся снова к иконам няньхуа.

На групповых иконах, предназначенных для сжигания во время церемонии отправления культа бога богатства, изображение Гуань Юя сливается с изображением Цай-шэня. Так, например, на одной из групповых икон имеется изображение Гуань Юя под титулом Γ изнь дади 35 — «Святой, великий император Гуань» (неполный вариант титула, данного ему цинским Шунь-чжи в 1653 г.) с двумя его обычными

Puc. 4.

спутниками — телохранителем Чжоу Цаном и сыном Гуань Пином и двумя предстоящими Цай-шэня — отроком «зовущим богатство» и святым чиновником благоприятной торговли. Имеются иконы, где Гуань Юй изображен только с предстоящими Цай-шэня.

Кроме икон, в которых, как мы видели, Гуань Юй действительно выступает в роли одного из богов богатства, имеется ряд других икон. Это групповые иконы, где Гуань Юй изображен в числе главных божеств Сань цзяо (трех учений): Юй Хуана — даосизма, Гуань Юя — конфуцианства и Будды (рис. 4). Или икона, где Гуань Юй имеет титул императора, данный ему минским императором Вань-ли в 1591 г., групповая икона, где Будда (представленный в виде Будды прошлого, настоящего и будущего) Юй Хуан и Гуань-ди изображены в центре и более крупно, чем остальные божества.

Материал икон няньхуа дает следующую картину: с одной стороны — Гуань Юй, один из трех богов богатства, иногда даже оба обра-

за сливаются, а с другой — Гуань Юй, один из трех представителей Сань цзяо, причем главнейшего учения, ибо в идеологии старого Китая конфуцианство играло решающую роль. Исследование письменного источника «Гуань-ди шэн цзиту чжи цюань цзи» показало, что Гуань-ди стали считать главным выразителем конфуцианских идей. Эти идеи ограничивались правилами взаимоотношений между людьми, при соблюдении которых, считалось, можно добиться благополучной жизни, процветания своего дела. Таким образом, Гуань-ди стал защитником и покровителем всякого дела, особенно торговли, в которой массы ремесленников и торговцев старого Китая видели свое благополучие. Этим как раз и объясняются групповые иконы, где Гуань-ди изображен вместе с гражданским и военным Цай-шэнями, и иконы, где образ Гуань-ди частично сливается с образом Цай-шэням.

Многочисленные прообразы Цай-шэня, как, например, Би Гань, Чжао Гун-мин и другие, свидетельствуют о развитии представлений, связанных, с одной стороны, с нуждами развивающейся синкретической религии, а с другой — с благопожелательной символикой, основанной на заимствовании из реальной действительности и литературных произведений. Дальнейшему развитию синкретизма в послесунский период способствовало сложение в эпоху Сун (X—XIII вв.) неоконфуцианства, основа которого состояла в том, что «в конфуцианские книги были введены некоторые буддийские и даосские концепции» [28].

Вопрос становления официальной синкретической религии недостаточно еще изучен. Однако минская династия, объединившая Китай после разгрома монголов, нуждалась в единей религии, на которую она могла бы опереться. Одним из доказательств этого является строительство храмов, возрождающих древнейшие культы (храмы Неба и Земли в Пекине), отправляемые самим императором. Развитой синкретизм, о чем мы можем судить хотя бы по иконе минского времени с изображением сложного синкретического пантеона [29], должен был войти в эту религию.

Развитие товарно-денежных отношений, применение наемного труда и, следовательно, увеличивающаяся роль денег в Минский период — процесс, который засвидетельствован в науке [30]. Видимо, в этот период и оформляется культ бога денежного изобилия, от которого «зависело» именно денежное богатство [31]. В конце XVII в., после разрухи, вызванной маньчжурским завоеванием, происходит возрождение китайских городов, ремесел, торговых путей [39]. По свидетельству Ван Шу-цуня, религиозные няньхуа периода Кан-си (1662—1722) были насыщены молениями о богатстве. Он пишет также, что каждый цех имел своего покровителя. Последние рассматривались главным образом как податели богатства, поэтому число их росло [33]. К сожалению, от этого времени, равно как и от более позднего, т. е. от XVIII-XIX вв., вплоть до конца XIX — начала XX в., религиозных няньхуа ни этого ни другого типа до нас не дошло. Но сохранившиеся няньхуа, т. е. конца XIX — начала XX в., разобранные в данной статье, дают яркую картину культа Цай-шэня и Гуань Юя и позволяют наряду с другими источниками проследить процесс их развития. Маньчжурское правление своей экономической политикой способствовало длительной консервации феодальных отношений [34]. На протяжении всего периода Цинов Цай-шэнь оставался богом денежного богатства для миллионов мелких товаропроизводителей. Однако образ его с течением времени изменился и, как мы видели, существовало несколько его вариангов, что также свидетельствует о популярности культа.

Для укрепления своей власти маньчжуры использовали теоретиче-

ские положения конфуцианского канона, многие века служившего идеологическим оплотом феодального режима [35]. Частное проявление «заботы» о конфуцианстве — составление упомянутого сборника о Гуань Юе как главном выразителе конфуцианских догматов. Это неразрывно связано с официальной синкретической религией, пантеон которой в основных чертах был закреплен при Цинах. Главная роль Гуань Юя как представителя конфуцианства в этой религии объясняет включение его образа в групповую икону Саньцзяо.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. См.: J. J. De Groot, G. G. Chavannes, Les fêtes annuellement célébrérs à Emoui (Amoy), Paris, 1886, стр. 95—123; В. Грубе, Духовная культура Китая, СПб., 1912, стр. 179—180; Doré, Recherches sur les superstitions..., 11ème partie, t. VI, стр. 956—963; 11ème partie, t. VI, стр. 54—63 (здесь Доре приводит названия источников о Гуань-ди, кратко аннотируя их как источники о любимом боге, с которым связаны конфуцианские добродетели); Werner, A Dictionnary of Chinese Mythology..., стр. 514—517; Alexeiv, The Gods of Wealth...; Акад. В. М. Алексеев, Народная картина...; ст. «Цай-шэнь — бог денежного обилия, его изображения, культ и символы его благоволения», стр. 160—170. Здесь же автор приводит легенду о волшебной чашке.
- 2. Алексеев, Народная картина..., статья «Цай-шэнь бог денежного обилия, его изображения, культ и символы его благоволения», стр. 160.
- 3. Там же, стр. 160.
- 4. Среди няньхуа, хранящихся в Музее истории религии и атеизма, имеются картины с изображениями аналогичных юношей.
- 5. Алексеев, Народная картина..., стр. 172.
- 6. Объяснения к грубым картинам, текст № 381.
- Соу шэнь цзи (Сборник волшебных рассказов), Шанхай, 1958 (на кит. яз.), стр. 99;
 Алексеев, Бессмертные двойники..., стр. 312, 313;
 Алексеев, Народная картина..., стр. 168.
- 8. Издана в кн.: Alexeiv, The Cods of Wealth.
- 9. Объяснения к грубым картинам, текст № 69.
- 10. Тайпин гуанцзи, т. III, цз. 3, стр. 1812.
- 11. Объяснения к грубым картинам, текст № 338.
- 12. Объяснения к грубым картинам, текст № 364. В тексте имеется ссылка на роман «Возведение в ранг божеств». В гл. 99 романа рассказывается о награждении
- Чжао Гун-мина и духов Чэн Цзю-гун и Ло Шао-сы указанными титулами. 13. Издана в кн.: Alexeiv, The Cods of Wealth; Алексеев, Бессмертные двойники..., стр. 314.
- 14. Объяснения к грубым картинам, текст № 338, 24.
- 15. Подробно см.: роман Ло Гуань-чжуна «Троецарствие», перевод с кит. яз. В. А. Панасюка, М., 1954, т. I—II.
- 16. Там же, стр. 352.
- 17. Там же, стр. 358.
- 18. Там же, стр. 286.
- 19. Там же, стр. 218.
- 20. Напомним, что роман «Троецарствие» был написан в XV в. Его основой послужили легенды и предания, ходившие в народе. Разбираемые в работе няньхуа относятся к концу XIX — началу XX в.
- 21. Это подтверждается наличием группового портрета художника Ян Ли-бэня «Тринадцать императоров» (VII в.), где художник изобразил императоров различных династий от Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) до Сун (VI—VII вв.). Фу Бао-ши, Китайская живопись. Пекин, 1958, т. І, табл. 40—41 (на кит. яз.). Портретируемые лишены психологической характеристики, а даны методом определенной типизации. Это создало для художника возможность, не видя живого человека, а только по описаниям его характера написать портрет, выделив в нем какую-то основную черту его личности, дав ее согласно определенному канону изображения данной черты.
- A. Stein, Serindia, Oxford, 1921, t. IV, Pl. LXXXV.
 E. A. Strehlneck, Chinese pictorial art. Changhai, 1914, стр. 201. На иконе представлены божества неба, земли, звезд, сил природы, воды, провинций, Мын шэнь, Цзао ван, по соответствующей иерархической лестнице.
- 24. В работе было использовано издание 1859 г.

25. Подробно см.: Я. Б. Радуль-Затуловский, Конфуцианство и его распространение в Японии, М.-Л., 1947, стр. 65-162.

26. Гуань-ди шэн цзиту чжи цюань цзи (Полный сборник записей о деяниях мудрого императора Гуаня), цз. «Долг», раздел шэн-цзин-као, гл. «Рассказываю о моей воле» (Ксилограф XIX в.).

27. Полный сборник записей..., Предисловие.

28. Derk Bodde, The Philosophy of Chu Hsi, 1942, стр. 4.

29. Храмовой синкретизм был в свое время отмечен в работах акад. В. М. Алексеева (см.: В. М. Алексеев, Из области китайского храмового синкретизма, «Восточные записки», т. І, Л., 1927, стр. 283—297; а также фундаментальное издание: E. Chavannes, Le T'ai-chan. Essai de monographie d'un culte chinois, appendie de la companie de la comp dice de dieu du sol dans la chine antique, Paris, 1910).

30. Э. Б. Стужина, О характере цеховой организации в Китае, — «Проблемы востоковедения», 1961, № 1, стр. 38.

31. Иероглиф $\mu a \dot{u}^{36}$ — «денежное богатство» нужно отличать от иероглифа ϕy^{37} — богатство в смысле обилия; последний очень часто встречается в символико-благопожелательных картинах няньхуа.

32. Э. Б. Стужина, О характере цеховой организации..., стр. 44.

- Ван Шу-цунь, Сборник няньхуа..., стр. 4.
 Подробнее см.: С. Л. Тихвинский, Маньчжурское владычество в Китае, «Маньчжурское владычество», М., 1966, стр. 3—77; а также В. М. Штейн, Были ли в экономике стран Востока элементы капитализма до вторжения европейских держав?, - «О генезисе капитализма в странах Востока (XV-XIX вв.)», М., 1962, стр. 210—211. В статье В. М. Штейна нам важно подчеркнуть, что элементы капитализма в экономике Китая до прихода европейцев существовали, но ты капитализма в экономике китая до прихода европеицев существовали, но они не достигли такой степени зрелости, чтобы можно было признать наличие капиталистического уклада (О. М. Иовчук, Об особенностях развития фабрично-заводской промышленности в Китае в 1861—1895 гг., — «Проблемы востоковедения», 1959, № 5; «О генезисе капитализма в странах Востока. Материалы обсуждения», М., 1962).
- 35. О. Л. Фишман, О политике Цинов в области идеологии, «Маньчжурское владычество в Китае», М., 1966, стр. 169—185.

ИЕРОГЛИФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

К статье В. А. Вельгуса

(1)烝 蒸 (2)报 (3)维报 (4)令甲 (5)甲令 (6)胡承珙 (7)执

К статье М. Л. Рудовой

(1)三财 (2)关帝 (3)财神 (4)玄坛赵元师 (5)忠义神武灵佑仁勇威显关圣大帝 (6)增福积 宝财神 (7)聚宝盆 (8)玄坛赵元师 (9)协天大 帝 (10)蜻蛛飞入 (11)回回 (12)回回进宝 (13)文 武财神进宝献瑞 (14)利市仙官来 (15)招财童子 至 (16)发财福 (17)文财神 (18)比于 (19)石崇 (20)武财神 (21)赵公明 (22)群仙斗宝 (23)招财使 者 (24)招财童子 (25)利市仙官 (26)此乃财神叶 门来到咱家 (27)活财神 (28)协天护国忠义大帝 (29)关帝圣蹟图誌全集 (30)仁 (31)义 (32)礼 (33)智 (34)信, (35)关圣大帝~ (36)财 (37)福(富)